

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ ОЛЬДЕНБУРГ

ВОСТОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ
НА СРЕДНЕВЕКОВУЮ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНУЮ
ЛИТЕРАТУРУ ЗАПАДА

Сергей Ольденбург

**Восточное влияние
на средневековую
повествовательную
литературу Запада**

«Public Domain»

1934

Ольденбург С. Ф.

Восточное влияние на средневековую повествовательную литературу Запада / С. Ф. Ольденбург — «Public Domain», 1934

«Работа научного исследования необыкновенно сложна, и те, кому приходится пользоваться уже готовыми ее результатами, излагаемыми в доступном и неспециалисту виде, не представляют себе того количества предварительных разнообразных изысканий, которое требуется часто для того, чтобы прийти к выводу, даже не являющемуся несомненным, а лишь приближенным, с той или другой степенью точности. При этом исследовательской работе приходится постоянно исходить из известных более широких обобщений, которые как бы освещают путь исследования...»

Содержание

Лекция I	5
Лекция II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Ольденбург

Восточное влияние на средневековую повествовательную литературу Запада

Лекция I

Работа научного исследования необыкновенно сложна, и те, кому приходится пользоваться уже готовыми ее результатами, излагаемыми в доступном и неспециалисту виде, не представляют себе того количества предварительных разнообразных изысканий, которое требуется часто для того, чтобы прийти к выводу, даже не являющемуся несомненным, а лишь приближенным, с той или другой степенью точности. При этом исследовательской работе приходится постоянно исходить из известных более широких обобщений, которые как бы освещают путь исследования. Допустим, например, что мы изучаем какой-нибудь род литературных памятников; мы должны для этого, несомненно, найти им сперва определенное место во времени и пространстве, т. е. приурочить их к определенным векам, к определенным странам или стране. Только тогда мы можем плодотворно приступить к их всестороннему исследованию. Затем нам необходимо поставить себе вопрос, в какой мере те литературные памятники, которые мы изучаем, представляют явление самобытное на той почве и в том времени, к которому мы их приурочили, или же, напротив того, не являются ли они заимствованными в той или другой мере со стороны или же пережитками другого времени, других родов литературы. Если они заимствованы, то откуда, если пережитки, то пережитки именно чего.

При только что намеченной, весьма сложной предварительной работе мы непременно наталкиваемся на условные, предварительные, так сказать, решения общих вопросов, нами поставленных, т. е., другими словами, нам приходится пользоваться так называемыми рабочими гипотезами, условными предположениями. При этом невольно происходит то, что рабочая гипотеза продолжает действовать еще тогда, когда уже начинают возникать сомнения в ее правильности, ибо сила инерции велика даже в научной исследовательской работе, именно вследствие громадной сложности и многогранности этой работы. Является потребность пересмотра гипотезы со стороны работников, которые чувствуют себя стесненными ею: добытые ими результаты не укладываются, по их мнению, в рамки общепризнаваемой гипотезы, обойти которую им тем не менее нельзя именно в силу ее общепризнанности, и вот им приходится затрачивать время и силы на задачу, часто выходящую за пределы их специальных знаний, результатом чего может явиться совершенно неправильное толкование данной рабочей гипотезы.

Вот почему чрезвычайно важно от времени до времени в связи с увеличением накопленного материала и расширением нашего кругозора систематически пересматривать рабочие гипотезы при свете новых данных и делать это именно не под влиянием той или другой частной работы, а с общей точки зрения.

В истории повествовательной литературы чрезвычайное значение приобрела теория заимствования – рабочая гипотеза, которую можно формулировать как заимствование средневековым Западом с Востока многих повествовательных сюжетов, которые, таким образом, являются западными только по форме. Теория эта, возникшая в XVIII в., который положил в Европе начало систематическому научному исследованию Азии, имеет своим родоначальником французского епископа Юе (Hue), она была далее развита Лойзелер де Лоншаном и получила в связи с успехами востоковедения и специального сравнительного языкознания

и изучения индоевропейских языков чрезвычайно яркую формулировку в известной книге немецкого ученого Т. Бенфея «Введение в Панчатантру», индийский сборник рассказов. Из наиболее крупных представителей этой теории можно указать на французов Гастона Париса и Коокэна, в России – на Александра Николаевича Веселовского.

В девяностых годах прошлого столетия теория эта подверглась горячей критике со стороны французского ученого Бедье, книга которого о французских средневековых повестях в стихах, так называемых фавло, подробно рассматривала теорию заимствования, отнесясь к ней отрицательно. Попытка эта слишком широко поставить критику, включив в нее и вопрос о происхождении сказки, независимый от теории заимствования, вызвала многочисленные возражения. Несмотря на крупные методологические недостатки книги Бедье, за нею остается большая заслуга своевременной постановки вопроса о пересмотре рабочей «гипотезы заимствования», которую начали пользоваться слишком неумеренно я с недостаточной осторожностью. Пересмотр вопроса, однако, только поставлен, но не разрешен Бедье, особенно за отсутствием у него знакомства с литературами Востока, без которого это разрешение вопроса немыслимо. Начатая Бедье работа должна быть непременно окончена, так как от того или иного решения вопроса о теории заимствования зависит плодотворность или бесполезность многочисленных изысканий в области повествовательной литературы.

Подойти к решению вопроса можно, только поставив его с самого начала в совершенно определенные рамки и отделив от него все, что не имеет к нему непосредственного отношения. Прежде всего, необходимо отделить от него вопрос о происхождении сказки, ибо для решения этого вопроса нужны совершенно другие изыскания, необходимо его расчленение в связи с обсуждением в плоскости сказки у первобытных народов или у культурных народов и затем потому, что решение вопроса о происхождении сказки зависит в известной мере от предварительного доказательства правильности или неправильности гипотезы о заимствовании Западом с Востока известных повествовательных сюжетов в определенное время средних веков.

Его надо поставить, как мы уже оказали, в определенную историческую обстановку, где мы могли бы говорить уже не в общих выражениях, а совершенно конкретно, ибо не надо никогда забывать, что определенные литературные формы недолговечны и, в общем, довольно скоропреходящи, что к ним вполне применимо то название «мода», которое в более узком смысле мы применяем по отношению к одежде, но которое всецело применимо в материальном быту и в значительной мере и к явлениям духовной жизни. Громадное число разнообразных факторов, определяющих наш жизненный обиход, вносит в него поневоле большой элемент переменчивости, чрезвычайно влияющий на характер сменяющих друг друга поколений, которые, в свою очередь, чрезвычайно влияют на окружающую их жизнь, так же как и она влияет на них часто и, казалось бы, даже внешними своими сторонами. Позволю себе указать на пример тех средних веков, о которых мы говорим: всякий, кому приходилось посещать средневековые рыцарские замки, помнит, вероятно, как ясно представляется глубокая пропасть, которая лежала во всем мирозерцании между обитателями замка, привыкшими всегда смотреть вниз, и жителями деревни или города, привыкшими смотреть вверх на замки и их обитателей; подобных примеров можно указать сколько угодно. Со сменой общих мод происходит и смена мод на литературные произведения, причем и тут, конечно, как и в одежде, люди могут возвращаться и возвращаются по нескольку раз.

Эти смены чрезвычайно для нас важны, так как позволяют работать именно в конкретных рамках данного времени и данных мест, дают возможность считаться в значительной мере с определенными и поддающимися определению факторами. Основным фактором здесь, конечно, является та среда, которая воспринимает определенные явления, и на нее особенно следует обратить внимание, так как она или взращивает, или, напротив того, губит брошенное в нее семя, в зависимости от того, в какой мере в ней есть необходимое соответ-

ствие среде влияющей, дающей. Особенно чувствительными в этом отношении являются семена литературные; для успеха литературных всходов необходимо образование подходящей среды, которая достигла бы известного культурного уровня, допускающего восприятие определенной литературной формы или определенного типа сюжетов. Ибо, несомненно, недостаточно того, чтобы две среды, стоящие на разных степенях культурного развития, существовали в одно и то же время, чтобы стало возможным полное общение между ними и восприятие менее культурной средою духовных богатств более культурной. Ведь, несомненно, и в наше время так называемая декадентская поэзия совершенно недоступна, например, крестьянину, кончившему начальную школу, и не она одна, а многие из тех произведений изящной словесности, которые мы читаем и воспринимаем с наслаждением и полным пониманием, совершенно непонятны широким массам и, хотя написаны на том же русском языке, которым они говорят, столь же мало доступны им, как произведения английской или испанской поэзии.

Два народа долгое время могут находиться в общении между собою, и более культурный может оказать глубокое влияние на менее культурный в области, например, культуры материальной, в области правовой и во многом вообще, а вместе с тем непосредственно очень мало влиять на культуру чисто духовную, пока не произойдет в менее культурной среде известный внутренний подъем, подготовляющий ее к восприятию более высоких элементов духовной культуры. Казалось бы, что это понятно само собой, между тем, когда говорят о литературных заимствованиях, слишком часто забывают, что недостаточно установить сосуществование двух народов для того, чтобы считать доказанною наличность тех или других взаимных или односторонних влияний.

Но не одна некультурность является препятствием для литературных восприятий; слишком глубокая разница в исходных точках воззрений и литературных вкусов может быть столь же действительною преградой для заимствований; есть роды поэзии, чуждые одним народам, по крайней мере на протяжении долгого времени, и любимые у других, и мы постоянно видим примеры тому, как народы тесно общаются между собой и тем не менее совершенно не влияют друг на друга многими произведениями своих литератур, ибо в них часто слишком много национального или присущего только определенной среде или определенному времени, а развитие отдельных народов идет, конечно, не параллельно.

Много столетий, например, общался Передний Восток с Европою, и взаимные культурные влияния были громадны и обоюдны; между тем, например, говоря хотя бы только о литературных памятниках, проходили века, Европа создавала и развивала, доводя до высокой степени совершенства, свою драматическую поэзию, а мир Ближнего Востока, столь много воспринявший от Европы, лишь в самое последнее время стал проявлять и то в слабом и в мало самостоятельном виде подражание европейской драме.

Все, это показывает, что в области заимствования действуют какие-то сложнейшие законы, которые не раскрываются теми первобытными методами исследования, какие применяются в сравнительном изучении литературы, где попытки охватить слишком широкую область сравнения приводят к слишком поверхностному пониманию отдельных составных частей, из которых поэтому не может сложиться надежное целое.

Следя за постепенным развитием духовной жизни человечества, мы встречаемся с периодами, когда какой-нибудь народ особенно восприимчив к иностранным влияниям, потому ли, что в нем в силу той или другой причины ослабло собственное творчество, или потому, что он подвергся влиянию более сильной или более яркой культуры. Вместе с тем мы видим периоды, когда тот или другой род литературы особенно процветает. Изучить причину этих явлений, однако, несравненно более трудно, чем установить их наличность, вот почему, вероятно, еще так мало сделано в этом отношении. Между тем изучение именно таких периодов особенно важно и поучительно для выяснения пределов влияния литературы

одного народа на другой и характере этих влияний: относится ли оно к содержанию или к форме. Специально по отношению к влиянию восточных повествовательных памятников на западные выделяются особенно резко два периода: позднее средневековье и XVIII в... Из них в настоящее время нас занимает позднее средневековье, которым с этой стороны уже очень много занимались как востоковеды, так и специалисты западных литератур. Если мы считаем, несмотря на обширную литературу предмета, необходимым подвергнуть вопрос новому пересмотру, то делаем это, полагая, что при изучении восточных влияний на средневековую литературу Запада вопрос не был достаточно расчленен и к нему приписан другой, чрезвычайно сложный и самостоятельный вопрос о происхождении сказки, так называемый вопрос о бродячих сказаниях. Это обстоятельство осложнило дело и в значительной мере затуманило его.

Мы поэтому сознательно суживаем задачу – мы берем время, двенадцатый по начало четырнадцатого века, и попытаемся доказать, что в этот период можно установить на Западе сильную восприимчивость к восточному влиянию в области повествовательной литературы. Не имея права считать себя в какой бы то ни было мере историком западного средневековья, я буду чрезвычайно осторожен в попытках толковать причины этой восприимчивости и остановлюсь поэтому, как исследователь восточных литератур, главным образом на том, какими из своих памятников в указанное время влиял Восток и какие были вероятные пути этого влияния. Как образцы наиболее типичных для этого времени в области довести памятников Запада я возьму несколько французских фавло и на них постараюсь доказать восточное влияние.

Вместе с тем я хотел бы показать, какими приемами мы должны пользоваться и каких, напротив того, избегать, чтобы вести надлежащим образом сравнительное исследование, т. е. наглядно дать методологию вопроса, какую она мне представляется. Такая работа полезна в настоящее время, так как уже настало время для систематического изучения взаимоотношений различных литератур и необходимо выяснить, где были эти взаимоотношения, когда и в чем они выразились. Пора перекинуть мост между историей и литературой через ту пропасть, которая лежит между ними вследствие несогласованности научной работы: так сложны задачи, стоящие перед отдельным исследователем, и так подавляюще велик материал, что исследователь невольно ограничивает круг своего чтения и разработки источников, останавливаясь на том только, что ему ближе. В результате получается неувязка, говоря языком съемки, и рельеф поля исследования выходит неопределенный и неясный.

Постараемся прежде всего в самых общих чертах представить себе, чем была средневековая западная Европа в то время, когда, как нам кажется, она стала особенно восприимчивой к литературным влияниям Востока; мы, конечно, укажем лишь на те черты, которые имеют значение для нашей непосредственной задачи, и сделаем это лишь в общей форме. С самого начала мы отметим рост городов и появление сплоченного городского населения как определенной культурной среды, с новыми духовными потребностями, во многом отличными от рыцарского круга, но во многом и одинаковыми. Возвышенный эпос и истинная лирика не исчезают, но рядом с ними возникает поэзия и литература более земная, более обыденная. Поэт отмечает рядом *exempla* и *lai* – два рода литературного творчества, между которыми нет ничего общего. И эта новая литература, несомненно с новыми общественно-культурными кругами, проникает и в старый рыцарский круг, который, в свою очередь, делится с горожанином своими романами и «высокой» лирикой. В ее создании участвует и третий общественный круг, причастный не только к книге духовной, но и к книге светской, – духовенство. Мы замечаем, что время, о котором мы говорим, – время расцвета церковной проповеди и не только расцвета, но и своеобразного построения ее. В XII в. она возрождается, но носит еще характер проповеди монастырской и школьной, в XIII в. она уже во всем блеске широкой народности, своеобразно украшенная знаменитыми *exempla* – «примерами»

из жизни и литературы, назначение которых оживить сухой богословский материал проповеди.

Церковь приблизилась к жизни двумя путями, которые, как это ни странно с первого же взгляда, противоположны друг другу и даже до известной степени не могут мирно ужиться: один путь – это укрепление прихода, входящего в будничную жизнь прихожанина, другой – странствующее и проповедующее монашество, стоящее на всемирной точке зрения, бесконечно далекой от прихода.

Эта новая церковная проповедь, особенно ее *exempla*, жадно переписываемые, соединяемые в разные сборники, является могущественным фактором развития повествовательной литературы, для которой она дает образцы, канву, схемы, доступные и старым, рыцарским, и новым, городским, кругам. Мы видим, как необыкновенно быстро рождается целое поколение проповедников; как всегда, в жизни всходы поднимаются, рядом «мода», чтобы опять употребить это чисто житейское выражение, захватывает быстро и верно, она не может на это тратить много времени и идти медленно от человека к человеку, ибо уже на смену ей готовится другая «мода»; жизнь, и особенно жизнь духовная, неуклонно, неудержимо стремится вперед, к новому, к новым формам для вечно живого старого, основного. Теперь для нас эти средневековые фолианты, полные кратких, сжатых конспектов рассказов, кажутся иногда невыносимо скучными, пока мы не пытаемся вернуть их в ту обстановку, в которой они возникли. Особенно ярко представляется нам даже через дымку веков фигура одного из этих проповедников XIII в., Жака де Витри (*Jacobus de Vitriaco*), начавшего свое служение приходским священником и под влиянием св. Марии Уаньи ставшего проповедником. О нем говорили, что он пользовался «примерами» в своих произведениях и что так он вдохновил Францию своими проповедями, что не запомнят, чтобы кто-либо мог это сделать в такой мере до или после него. От него же, хотя и вряд ли им составленное, осталось собрание *exempla*, которыми он пользовался в своих проповедях. Перечитывая сотни этих «примеров», написанных обыкновенно как конспекты, невольно читаешь между строк и облакаешь эти остоны в ту плоть и кровь, которыми они жили в устах проповедника, тем более что часто знаешь их превосходные источники, хотя бы, например, дивные притчи того жития Варлаама и Иоасафа, которые в образе царевича познакомили весь западный мир с великим буддийским учителем.

Многие из примеров взяты из книг (авторы сборников сообщают нам длинные списки своих источников), книжную мудрость которых [...] исследователи не всегда оценивают надлежащим образом, считая книгу по-современному часто чем-то оторванным от жизни, искусственным и исключительным; они забывают, что в те времена, когда книг было мало, когда это были рукописи, писанные любовно с верою в благое дело написания, книга была гораздо более живою, чем теперь: когда книг мало, их перечитывают бесконечное число раз, запоминают почти наизусть, сживаются с ними, часто даже малограмотный какую-нибудь одну книгу знает хорошо, любит ее, живет ею. Это мы можем наблюдать и теперь в среде, где книг мало и где грамотность слаба. Рядом с книжным источником мы видим рассказы-примеры, взятые непосредственно из пережитого, случай из жизни, а также и слышанные чужие рассказы. Где слышали эти рассказы? Многое, конечно, у себя дома, но многое и в тех бесконечных странствиях, в которых проходила жизнь проповедника, так как задачей его было разносить слово божие по градам и весям. Эти странствования в то время приводили проповедника и в далекие заморские страны – то были столетия крестовых походов: вместе с рыцарем, воином, купцом шел и проповедник, шел даже много дальше их всех; ведь к тому же XIII в. относятся знаменитые монахи проповедники-путешественники, которые принесли Западу вести о странах Востока, лежавших бесконечно далеко от рубежей западного мира.

Общение с этим столь чуждым Западу миром произвело глубокое впечатление на Запад; хроники того времени полны Востоком, тот же Жак де Витри пишет свои *exempla*,

путешественники ведут свои записи, жадно читаемые. Не может быть сомнения в громадном влиянии этого нового мира на Европу, мира сложного, своеобразного, с многовековой культурой, выработавшего громадные мировые культурные ценности. Европейцы так привыкли теперь считать себя царями вселенной, они настолько уверены в своем превосходстве над народами Азии, что им и в голову не приходит, если они не востоковеды или специалисты, что во время крестовых походов европейцы были варварами в сравнении со своими противниками и что поэтому вполне естественно, что они являлись заимствующей стороной, а Восток – распространяющей на них свое влияние, притом [...] лишь на более культурных из них, на тех, кто были достаточно подготовлены, чтобы воспринять восточное влияние.

Для освещения этой стороны дела с Востока мы имеем почти единственный в своем роде памятник – записки сирийского эмира и литератора Усамы, сына Мункиза, жившего в XII в. Он был в дружбе со многими крестоносцами, и в частности с тамплиерами, и поэтому в его суждениях при всей нелюбви к пришельцам не слышится никакой предубежденной и безусловно враждебной нотки, любопытен для нас его взгляд, что «чем свежее франк на Востоке, тем он грубее, более варвар, и наоборот, чем дольше он живет среди общества мусульманского, тем он становится цивилизованнее»; были случаи, отмечает Усама, когда крестоносцы строили всю свою жизнь по образцу мусульманскому. Характерно для культурности этого мусульманского эмира XII в., что, когда вследствие вероломства одного франкского князька он лишился всего своего имущества, мусульманин стоик-фаталист пожалел лишь об одном – о потере его библиотеки, в которой было до 4000 томов, «Это, – говорил он, – оставило в моем сердце боль на всю мою жизнь».

Много подобных черт могли бы мы еще привести, чтобы показать наглядно культурное превосходство Востока, воевавшего с Западом во время крестовых походов, но для нашей цели достаточно установление несомненного факта культурного превосходства этого Востока и вместе с тем и широкого общения Запада и Востока в эти годы борьбы.

В рассматриваемое нами время, точнее, от середины XII до середины XIV в., в указанной нами среде возникает особый род литературных произведений – французские фавло, «стихотворные смехотворные рассказы», как их определяют историки литературы. Дошло их до нас немного, около полутораста, тем не менее мы вправе сказать, что то, что до нас дошло из фавло, позволяет нам говорить о них с полной уверенностью, что мы имеем вполне ясное и обстоятельное представление об этом определенном литературном роде. Будучи связаны общей формой, общим характером иронически шутивым, старающимся забавить, они далеко, однако, не однородны: то это грубая до омерзения и плоская до тошноты шутка, бессодержательная – просто грязная передача грязной действительности, то это очаровательный рассказ, полный тончайших психологических черт, настоящая маленькая повесть, миниатюрный роман; недаром некоторые из этих фавло носят старое название *lai*. Таких фавло выделяется целая группа, которая обращает на себя наше внимание и сложностью сюжета и искусством соединения мотивов, его составляющих; настолько отлична эта группа и от других фавло и вообще от окружающей и известной нам предшествующей литературы, что мы невольно начинаем искать источник, из которого могли явиться эти фавло.

Тут мы сразу сталкиваемся с любопытным фактом: именно к VII и VIII вв., немного уже и к XI в. относится появление ряда переводов восточных сборников рассказов и многочисленных списков рукописей знаменитой повести о Варлааме с ее многочисленными и столь популярными притчами; факт этот настолько знаменательный и характерный, что никакие попытки его умалить не могут иметь значения.

Два знаменитых индийских сборника, о которых идет речь, известны один под названием «Книга о семи мудрецах», или «Книга Синдбада», а другой – «Книга о Калиле и Димне», «Стефанит и Ихниллат». Из них мы уже в XI в. встречаем греческие переводы обоих сборников, упоминание о еврейском переводе «Калилы и Димны», к этому же веку относится

обилие греческих рукописей Варлаама и Иоасафа и одна из притч этой книги по-еврейски. К XII в. относится сборник рассказов испанского крещеного еврея Петра Альфонса «*Disciplina clericanis*», переделка книги о семи мудрецах «*Li Romans des Sept bages*», многочисленные латинские рукописи Варлаама и Иоасафа. XIII век еще интенсивнее проявляет свой интерес к восточным сборникам, ибо к нему относятся: два средневековых перевода «Калилы и Димны», латинский перевод той же книги, испанский и даже славянский; испанский и еврейский переводы «Книги о семи мудрецах», еврейский, французский, немецкий, древне-норвежский переводы Варлаама и Иоасафа, латинский перевод Якова де Ворагине, с житием Варлаама и Иоасафа, сборники Жака де Витри и Этьена де Бурбон с притчами из повести.

Только что указанное позволяет нам утверждать: это было время моды на восточные сборники рассказов. Если мы вспомним, какая была благодарная почва для восприятия этих семян восточной литературы, то мы не удивимся обильным всходам, а, напротив того, будем искать еще дальнейших, и тут, естественно, мы вспомним ту группу фавло, которая нас поразила более сложными сюжетами и удачными сочетаниями отдельных мотивов в связные рассказы. Изучая повествовательную литературу Востока, и особенно Индии, мы убеждаемся, что отличительной чертой этой литературы является именно богатство фантазии, разнообразие сюжетов и их сложность, редкое умение сплести и комбинировать отдельные мотивы. Восточный рассказчик не только умеет мастерски изложить отдельный рассказ, но и обладает умением и желанием соединять рассказы в целые циклы, вставляемые в особые рамки, притом, кроме того, часто один рассказ как бы вставляется в другой, другой в третий и т. д. Получается то, что принято называть *enjambement*. Это умение искусно сплести мотивы в известный сюжет сказывается и на коротких рассказах. Указываемые свойства восточных рассказчиков и восточных рассказов заставляют нас предположить, не следует ли видеть в группе фавло, отличающихся большей сложностью сюжета, обилием отдельных мотивов и удачными их комбинациями, произведения восточного происхождения. Против этого основного положения были выставлены возражения в уже указанном нами труде Бедье, который противопоставляет нашему положению уверения, что и классическая древность знала фавло и знало их раннее средневековье. Так как на этот аргумент особенно сильно напирала как на опровержение выставленного предположения о восточном происхождении некоторых фавло, то нам необходимо на нем остановиться и внимательно его рассмотреть.

Прежде всего надо устранить одно основное недоразумение: нельзя подводить все фавло только потому, что они представляют общий литературный род, под одну категорию; мы уже ранее указали, что есть несколько видов фавло, объединенных между собой лишь внешнею формою, причем особенно резко отличаются две категории, которые мы для краткости обозначим как анекдот и как повесть. Относительно первой категории нам и в голову не придет отрицать возможность их существования почти что где угодно и когда угодно, значит, и в древности, и в раннем средневековье; подсобного рода произведения почти не требуют искусства рассказчика, не являются характерными ни в каком отношении, не являются порождением определенных литературных вкусов, какой-нибудь определенной среды; они представляются своего рода общим понятием. Мы уже не раз прибегали к сравнению с модами на одежду; продолжим это сравнение: нельзя говорить о моде на обувь, но можно говорить о моде на широкие или узкие носки, высокие или низкие каблуки и т. д. Также и по отношению к анекдоту, который может быть бесконечно разнообразен.

По отношению к рассказу мы также должны внимательно всматриваться в его построение; есть опять-таки рассказы настолько простые, составленные из ограниченного числа мотивов и притом в такой простой комбинации, что подобные рассказы отнюдь не могут быть сочтены характерными для определенного времени и среды. Возьмем пример: охотник отправился на охоту в лес, ему повстречался олень, охотник прицелился и промахнулся, огорченный, он вернулся домой. Перед нами, несомненно, небольшой рассказ, никто не ска-

жет, чтобы его можно было приурочить к определенному времени и месту: охота существует с незапамятных времен, так же как и неудачные охотники, олени, правда, водятся не всюду, но все же мы их встречаем в достаточном числе мест, чтобы сделать определенный вывод из упоминания оленя невозможным. Чем обширнее число объединенных в одном сюжете мотивов, чем искуснее их комбинация, тем определеннее приурочение рассказа к данному времени и месту, тем труднее при повторении тех же мотивов в тех же комбинациях сомневаться в связи подобных схожих рассказов, и наоборот.

Этих основных и необходимых предпосылок совершенно не принял в расчет г-н Бедье, когда он начал приводить пример за примером, как отдельные рассказы, похожие на фабло, встречаются уже в античном мире и в раннем средневековье. Его примеры настолько просты и несложны, что сомневаться в них не приходится, но зато они ничего не доказывают, ибо нет, конечно, ни малейших оснований не верить тому, что рассказы столь простые, как, например, тот, который мы привели, или даже несколько более сложные не могли бесконечное количество раз возникать вновь, совершенно независимо один от другого в любом месте и в любое время.

Но есть один случай в аргументации г-на Бедье, где дело не так просто и где необходимо немного тщательнее проследить за ходом его рассуждений, чтобы заметить, в чем им допущена ошибка, разбивающая правильность его утверждения, что раннее средневековье уже знало сюжеты фабло, причем в данном случае идет речь о фабло именно из той группы, которую мы выделили как группу более сложных рассказов-повестей. Речь идет о рассказе-сказке, которая вам, вероятно, известна с детства и которая в самых общих чертах следующая: муж и жена чудесным образом получают право высказать три желания, которые непременно должны исполниться. Они не умеют воспользоваться чудесным даром и возвращаются к первоначальному состоянию. Рассказ этот, необыкновенно широко распространенный, встречается и на Востоке, и на Западе, встречается и как фабло более сложного типа, и наконец, г-н Бедье указывает на его существование в известном средневековом сборнике, главным образом, басен, [...] и относит к концу XII в. Дата эта нам вполне понятна, она относит нас к тому времени, относительно которого мы постарались показать, что оно было восприимчиво к восточным влияниям, но г-н Бедье, следуя за г-ном Гастоном Парисом, прослеживает сборник в его источниках, которые позволяют его возводить к началу XI в., делать его, по словам г-на Бедье, современником «Песни о Роланде» и, может быть, «Жития Алексея, человека божия». Хотя наличность одного из сюжетов фабло более сложного типа несколько не могла бы опровергнуть нашего предположения о вероятности восточного происхождения всего этого типа, мы тем не менее в интересах правильности принимаемого метода исследования должны указать на ошибку, допущенную г-ном Бедье в его рассуждении: указанные им источники *fables* Мари Франс до нас не дошли, и потому точный их состав нам неизвестен. И мы не можем доказать, что в этих источниках был именно и интересующий нас рассказ. А если это так, то исчезает и единственное указание на существование до принятого нами времени сюжета фабло более сложного типа.

Сведем в немногих словах все сказанное нами. Во время от XII до XIV в. во Франции вместе с ростом городских классов, распространением странствующего и проповедующего монашества, с развитием особого типа проповедей, «примерами» [которых] является новый литературный род, предшественник более поздней новеллы, которую особенно разовьет затем Италия, [появляются] так называемые фабло; из них одна группа останавливает на себе наше внимание большей сложностью сюжетов, более искусной комбинацией мотивов. Вместе с тем мы видим появление моды на восточные сборники рассказов, которые становятся для нас в связь с усиленным общением с Востоком во время крестовых походов. Из всего этого мы делаем вывод, что и та группа фабло, на особенность которой мы указали, тоже восточного происхождения.

Чтобы доказать правильность этого общего предположения, его надо проверить на отдельных фабло и указать как их непосредственные, так и более отдаленные источники. Мы начнем с наиболее известного фабло, которое вдохновило впоследствии многих поэтов и писателей, украсило собой фасады многих соборов, с фабло *Lai d'Aristote* клерка XIII в.

Вот как читается это фабло.

«Александр, славный царь Греции и Египта, завоевал Индию и зажил в ней. Что же приковало его к этой стране? Любовь, любовь к прекрасной индийской женщине; дела в государстве, конечно, в небрежении, о страсти царя все говорят, но потихоньку; громко говорить об этом никто не смеет. Но про дело это услышал царский учитель Аристотель; он сурово выговаривает царю, который защищается и обещает исправиться. Трудно дается исполнение обещания; грусть царя замечает возлюбленная, и он рассказывает ей все, что произошло. Красавица тотчас обещает ему отомстить строгому учителю, она покажет, что станет его «диалектикою и грамматикою». Пусть царь на следующее утро взглянет в окошко – он увидит.

Утром рано красавица босиком, с распущенными волосами спустилась в сад и весело бродит, напевая песенку, а Аристотель афинский сидит за книгами. Прошла мимо него красавица, он увидел – закрыл книгу.

Oil, dist il, «ma douce dame
Por vous meiroi et cors et ame
Vie et honor en aventure»¹.

Философу стыдно своего увлечения, он борется с собой, но веселая песенка опять раздается за окном, красавица рвет цветы и поет, поет и плетет венок, положила его себе на голову и гуляет по саду как ни в чем не бывало. Вдруг перед ней появился сам строгий учитель. «Учитель, – спрашивает она, – вас ли я здесь вижу?» – «Да, это я, прекрасная дама, и за вас положу и тело, и душу, и жизнь, и честь». Прекрасная дама как будто очень рада, но удивлена. Объяснения в любви старого философа становятся все более пылкими; красавица, по-видимому, начинает сдаваться, но ей хочется проехаться верхом на философе, и, чтобы это было лучше, она хочет, чтобы он дал себя оседлать. Ослепленный страстью Аристотель согласен на все – вот он стал на четвереньки, на спине у него седло, на седле красавица, и философ скачет по саду.

Засмеялся Александр, который на все это смотрел из окна, и спрашивает: «Как? Это вы, учитель?» «Вы видите теперь, государь, – отвечает Аристотель, – что я был прав, беспокоясь за вас; вот меня, старика, так одолела любовь, как же опасна она должна быть для вас».

Таково фабло – несомненно, жемчужина своего рода, и мы могли бы согласиться со словами (Бедье), что перед нами *lai* [форма рассказа самодовлеющая], если бы все ранее сказанное не побуждало нас к осторожности относительно предположения самостоятельности нашего фабло и не требовало от нас тщательного расследования вопроса, не заимствован ли его сюжет и если заимствован, то откуда. Этому рассмотрению будет посвящено наше следующее чтение, и я надеюсь показать, что *Lai d'Aristote* самостоятелен лишь в своей превосходной форме, а по сюжету заимствован с Востока.

¹ Цитата восстановлена в том виде, как она дана в Журнале Министерства народного просвещения. Ч. 346, 1903, N 4, отд. 2, с. 220; в рукописи она приведена неточно.

Лекция II

Прошлый раз мы пытались установить, что во время между XII и XIV вв. в Западной Европе, и особенно в наиболее типичной представительнице западной культуры того времени Франции, были все данные для восприятия восточных влияний в повествовательной литературе и что вкус того времени склонялся к восточным повестям и рассказам. Все это давало право предполагать, что ряд французских литературных произведений – фавло, отличавшихся искусным соединением разнообразных мотивов и хорошо скомпонованных сюжетов, носят признаки восточного происхождения. Мы закончили наше чтение пересказом одного из этих фавло (об Александре), имея в виду сегодня указать, какими путями можно установить, что сюжет этот перешел во Францию с Востока.

Прежде чем перейти к фактической стороне дела, я считаю необходимым оказать несколько слов о тех приемах, которыми я намерен пользоваться, чтобы дать возможность следить за тем, как я веду свое исследование и нет ли в нем недочетов или пропусков. Чем менее научный работник может быть догматичен, чем более он может раскрывать ход своей работы и своей научной мысли, тем более, мне кажется, убедительны его рассуждения, если они правильны, и тем легче, мне кажется, с другой стороны, обнаружить неправильности его доказательства. Необходимо, в пределах доступного, вводить слушающего в лабораторию работы, не лишая его возможности непрерывной критики тех доказательств и утверждений, которые представляет ему излагающий исследование.

Когда приходится сравнивать литературные произведения, чтобы выяснить их взаимоотношения, то мы видим большую разницу между памятниками письменными и устными. Два родственных по сюжету письменных памятника обыкновенно гораздо ближе между собой, нам гораздо легче установить зависимость одного из них от другого, ибо на помощь нам являются определенные выражения, определенные слова, которые мы находим в обоих памятниках, причем трудно предположить в таких случаях, что одна из сторон не является заимствующей; ведь маловероятно, чтобы переработка литературного памятника производилась на память, пока есть возможность проверки себя по подлиннику. При этом условии маловероятно, чтобы одинаковые слова и выражения заимствующей стороною создавались вновь и чтобы, таким образом, мы фактически имели перед собой не заимствование, а независимое повторение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.